

ФАНКУЛЬТУРА СПОРТА – ДИСКУРС МЕДИАКРАТИЧНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Сальников Евгений Вячеславович
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общих гуманитарных дисциплин Орловского юридического института МВД (г. Орел)

Бесчинства спортивных фанатов являются одним из наиболее ярких феноменов, требующих своего осмысления и научного анализа. К сожалению, проблема исследования фанкультуры усложняется тем упрощением и искажением, которые эта тема получает в средствах массовой информации. С другой стороны, нельзя не отметить и того, что бихевиористические исследования в этой области едва ли дадут сегодня какие-либо значимые результаты в силу того, что любой квантификации должно предшествовать сущностное проникновение. Именно наличие последнего только и позволит задать конкретику видов и форм «полевых» исследований.

Представляется, что в неискаженном виде фанкультура может оказаться доступной лишь в случае своего самораскрытия, при котором тексты ее самопрочтения сохраняют свою идентичность и уникальность, не будучи уподоблены ментальному проекту читающего. Речь идет о том, что фанкультура представляет собой альтернативный вариант идентичности, которая адекватно может явить себя лишь в дискурсе.

Обращаясь к первому явлению дискурса у Декарта в «Discours de la methode», это есть размышление, открывающее в тексте вещи так, как они есть, дающее возможности сказать очевидности, «в наличии которой невозможно

усомниться». Дискурс сегодня есть попытка устранения субъект-объектной оппозиции, где текст, будучи вещью, все же остается текстом, то есть, открыт иному. Дискурс тогда есть живое со сказание «одного» и «иного».

Отсюда то, что мы называем фанкультурой, выступает средой текстов, в которых толкует и которыми только и живет человек. Тексты эти были востребованы отнюдь не всегда, и свое самопрочтение в них человек получает в силу утраты, вытеснения других текстов. Отечественная перестройка в этом отношении предстает временем удивительного эксперимента. Его сущность заключалась в попытке отказа от давления текстов и освобождении человека от дискурса. Именно так следует понимать замысел деидеологизации. В ее основе лежит априорное предположение о том, что устранение идеологических преград сделает возможным всестороннее и полноценное развитие личности с высокой внутренней культурой. В этой своей вере в человека перестройка оказалась созвучной мотивам еще европейской эпохи просвещения. Так же как и там, человек виделся как существо, прежде всего разумное. Внешние преграды – сословные ли, идеологические ли – есть чуждые, навязываемые политической властью дискурсы. Они образуют оковы разума, отбросив которые человек сможет построить подлинно справедливое общество, подлинный дискурс, необходимый для осуществления идеальной идентичности.

Удивительно лишь то, что провал замысла Просвещения несколько не разочаровал отечественных «борцов за свободу». А ведь абсолютно очевидной была несостоятельность предпосылки о самостоятельной активности личности. Позади у россиян к началу 90-х были долгие десятилетия советского строя, отнюдь не жаловавшие подлинную инициативность. Вместе с тем рухнувший «железный занавес» вбросил россиян в мир постмодерна, который также уже давно потерял нужду в активной личности. Диагноз западной культуре ставит еще Х. Ортега-и-Гассет, абсолютно верно указывая на «восстание масс». Массовый человек и массовая культура с ее усредненным голосом толпы, упрощенностью и самодовольством – вот что активно вторгалось в российский культурный ареал в последнее десятилетие XX века.

Проект деидеологизации в России мог оказаться состоятельным лишь в случае активного сознательного действия-решения-выбора субъекта в условиях плюрализма. Последний был сформирован достаточно быстро, активная же личность, в

противоположность этому, не родилась. Это сразу же привело к сбоям в процессе социализации, массовому нигилизму, потере культуры, ослаблению авторитета права. Ведущим институтом, который взял на себя задачу общественной ориентации, оказались средства массовой информации.

Массовые коммуникации создали легкий, а главное – доступный каждому миф. Этот миф стал эрзацем подлинных знаний, подлинной позиции. Показательны в этой связи расцвет политической рекламистики, телевизионных игр, развлекательных радиостанций, превалирование еженедельников над повседневной газетой и прочее. В деидеологизированном мире СМИ удалось на какое-то время создать иллюзию ненужности и исключенности идеологии как навязываемого властью дискурса идентичности.

Эта иллюзия быстро рассеялась. Стало очевидно, что сами средства массовой информации являют собой скопище новых агрессивных дискурсов политической идентичности. Они внедряются в сознание, чей порог критичности восприятия ослаблен доминирующей визуализацией и утверждают свое господство. Нельзя не признать, что массмедиа расставляют ценностные акценты, утверждают системы аксиологических приоритетов, пропагандируют социальные роли, ориентируют в экзистенциальных проблемах. По меткому высказыванию Г. Павловского, «Население страны как бы переместилось в сказочный мир. Граждане ждут одной единственной картинки, всегда очень простой, из которой ясно, кто хороший и кто плохой, где зло и кто защитник. Причем сюжет и все герои могут перемениться – тогда вдруг появляется новая сказка, а предыдущая стирается из сознания».¹

Постмодерн создает иллюзию упразднения идеологии, но на деле в мире господствует идеологический медиамиф. В сложившейся ситуации сущность политики искажается в угоду массам. Массмедиа виртуализируют мир политики, приспособливают его к потребительскому человеку современности.

Внешне медиамиф отдалается от политики, но в действительности продолжает вносить идеологические ценности, позиции, предпочтения в их снятой, незаметной форме; так, как это и должно быть в мифе – демонстрируя саму жизнь. Идеологический миф обратился к самым первичным уровням человеческого бытия, тиражируя сексуальность, праздность, насилие; все то, что может действовать безотказно, что есть у всех, тревожит всех, а потому способно посадить всех перед экранами телевизоров, к динамикам радиоприемников, за печатные листы. Все то, что раньше было интимным достоянием семьи, личности бесстыдно тиражируется, позволяя создать некое абсолютно новое социальное единство, в оптимальном виде – единство национальное.

В этих условиях для становления политической идентичности требовались кардинально новые

тексты. Постмодернистская политика насквозь виртуальна. Пропагандируя ценности массовой культуры, она отчуждает людей от политики в буме пропаганды отдыха, развлечений и легкой жизни, одновременно даруя массовому политическому субъекту иллюзорность политического участия. Массам, которые уже не просто «восстали», но и пришли к власти, оказывается недоступной подлинная демократия, требующая большой гражданской культуры и серьезной политической ответственности. Требовалось дать массам что-либо взамен реальной политики для того, чтобы сплотить политическое пространство нации.

Искомым оказался спорт. Сегодня национальный спорт уже не символизирует политику, а является самой политикой. Показательны в этом отношении новостные блоки радиозэфиров. Даже крупнейшие российские радиостанции «Радио России» и «Маяк» отдают едва ли не равное время новостям политическим и спортивным (на Радио России это соотношение: 4 минуты политики к 3 минутам спорта из 10 минут новостного блока в начале каждого часа). Спорт способен потеснить краеугольные камни в сетке вещания телеэфира – новостные блоки. Спорт оказывается гораздо более способным организовать политическое участие, симпатии и пристрастия масс населения.

Спорт дарит необходимую для идентичности дихотомию: мы – они. Весь спорт теперь сконцентрировался в этом политическом противостоянии. Здесь уже не культ тела, не страсть к победе, а ощущение единства. При этом речь идет не о единстве спортсменов, а о единстве страны, переживающей спорт как медиаявление. Высказывания типа «Радость всей Греции», «Горе всей Португалии» давно уже перестали быть метафорой, а являются подлинной констатацией фактов. В мире заката идеологии спорт занял ее место, став медиаидеологией. Показательны в этом отношении слова Б.Н. Ельцина после победы наших теннисистов: «Вам нужна национальная идея? Вот она – спорт!»

Важно отметить, что спорт как медиаявление насыщен насилием. Став медиаявлением, спорт обращает осуществляемое насилие в политический акт. В этой связи в достаточно необычном ракурсе предстает сущность такого уникального феномена насилия современной цивилизации как насилие спортивных фанатов. Столь же неслучайно то, что это насилие, прежде всего фанатов футбола. Ведь футбол – «спорт номер 1», как о том твердят массмедиа.

Х. Арендт с неоспоримостью доказала, что массовое насилие адекватно истолковывается только как идеологическое явление. Так, в нашем случае все бесчинства футбольных фанатов можно интерпретировать как реализацию медиакратического дискурса политической идентичности, при этом – дискурса экстремистского. Причем, громадной ошибкой будет воспринимать

фандвижение как некое отклонение. Напротив, это явление весьма свойственно самой сути медиакратии, оно - ее органичное порождение.

Для адекватного понимания обрисует ситуацию со всей ясностью. Спорт эпохи постмодерна – это не само спортивное состязание, а его медиамиф, сорганизовывающий тысячи и тысячи людей. Спорт – это граждане, припавшие к экранам телевизоров, болеющие больше в барах, чем на трибунах. В ситуации медиакратии спорт позволяет формироваться национальной идентичности. Это может происходить без нарушения монополии власти на насилие, то есть насилие осуществляется лишь на экране, не покидая рамок медиавыявления. Большинство граждан этим довольствуются, позволяя себе быть лишь символически причастными этому насилию. Майки и шарфы с логотипами команд – это та же символизация причастности к политическому насилию, которую мы находим, скажем, в дембельских альбомах. Символика, причащающая политическим насилием, мощно рекламируется. Осознавая всю опасность реализации медианасилия, власть предлагает его снятие в институтах: пиво в спортивном баре с друзьями, орешки и футболка перед телевизором – в общем смысле, в товаре. Однако этого оказывается не всегда достаточно. Часть медиаполитического сообщества выражает свою претензию на нарушение властной монополии на насилие и присвоение себе права на его свершение. Подобные взгляды есть не что иное, как экстремизм, и так как он активизирует архаичную дихотомию «мы – они», то это экстремизм правого толка.

Важно понять, что в мире постмодерна не фанаты есть производная от клуба, но клуб произведен от

фанатов. Первичен в спорте зритель. Вот почему клуб для фанатов выступает в роли объекта власти. Это есть некое пространство, подвластное фанам, их исконная земля, их территория, их народ. Будучи объектом, этот клуб слаб и может подвергнуться нападению. Говоря политическим языком, здесь наличествует образ родины, перед лицом агрессора. Прежняя власть, т.е. спорт сам по себе, не способен противодействовать «агрессору». «Родина в опасности и нуждается в защите». Такими защитниками выступают фанаты.

Показательна в этом случае местническая тенденция спорта как медиавыявления. Фандвижение внутри страны не едино. Оно раздроблено на клубы. Сплочение происходит только на уровне сборной, и уровень этого сплочения демонстрирует единство политического сообщества нации. Клуб, в свою очередь, это образ малой родины, близкого и реального феномена. Все дело в том, что осуществление насилия вырывает фаната из медиасреды. Ему со всей ясностью открывается вся фрагментарность мира постмодерна, и во избежание катастрофы он хватается за самое близкое, а потому реальное.

В конечном итоге следует утверждать, что насилие, совершаемое фанатами, не есть хулиганство, как выход некоего антропологического насилия особо актуального в молодежной среде. Это насилие есть феномен политический, коль скоро сам спорт есть осуществление медиакратии. Фандвижение в этой ситуации есть квинтэссенция спорта – дискурс медиакратичного экстремизма.

1 Цит. по А. Цуладзе Большая Манипулятивная Игра. – М., 2000. – С.44.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН В.Н. Руденкин

Руденкин Василий Николаевич
доктор политических наук, профессор УрГУ

Когда двадцать лет назад началась перестройка, общество в массе своей оставалось во власти патриархально-подданнической политической культуры, ориентировалось не столько на организованные совместные действия, сколько на доброго и умного «царя». Насколько значительно изменилась за эти годы наша политическая культура и как эти изменения повлияли на гражданскую активность россиян?

По данным социологических исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов, большинство россиян изначально связывало ценности демократии не столько с политическими свободами, сколько с материальным благополучием. Такое понимание

демократии таило в себе серьезную опасность, ибо ставило отношение людей к новому политическому режиму в прямую зависимость от его способности быстро и без серьезных социальных издержек добиться коренного улучшения экономической ситуации. И как только общество в процессе реформ столкнулось с экономическими и социальными тяготами, наступило массовое разочарование в демократии.

На отношение россиян к демократии негативно повлияли не только отсутствие или слабость демократических традиций в нашей политической культуре, не только многочисленные экономические тяготы переходного периода, но и негативная роль элиты, своими действиями дискредитировавшей в глазах рядовых граждан многие институты и принципы демократии.

Откровенное пренебрежение элитой нравственными и правовыми нормами, равнодушие